

ИЗ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСЫ

КАК ВОЗНИКЛА ЗАВЕСА

Истрадавшаяся в нудном двухлетнем сидении в одних и тех же окопах, окончательно утратившая веру в какую бы то ни было победу и задумавшая крепкую думу «о земле и воле», старая русская армия к зиме 1917 г. потеряла боеспособность и при первом же наступлении германцев широкой волной покатила назад, в родные деревни, открыв пути на Петроград и Москву. Ее место на линии Нарва — Днепр заняли разнообразные революционные отряды, сформированные рабочими и крестьянскими организациями, номинально подчиненные фронтовым командованиям, но в значительно большей степени выполнявшие частные задачи по указаниям местных органов.

Для характеристики порядка управления этими отрядами достаточно сказать, что на Западном фронте одновременно было три главкома (Берзин, Мясников и Ефимов), часто резко препиравшиеся по прямым проводам (один был в Брянске, второй — в Смоленске и третий — в Орше), несмотря на отличные между собой товарищеские отношения. Между тем подписанный 3 марта Брестский мир не давал никакой уверенности в своей прочности, да и германцы, остановившись на линии Нарва — Могилев, продолжали наступать в направлениях на Брянск и Курск.

Такое положение не могло быть долго терпимо, и потому сначала на петроградском направлении, а 19 марта и на московском фронтовые командования были ликвидированы, а из расположенных на фронте отрядов были образованы два участка завесы: северный и западный.

В ЧЕМ БЫЛА ИДЕЯ ЗАВЕСЫ

Конечно, в настоящем их виде расположенные на границе отряды не смогли бы дать надлежащего отпора германцам, если бы последние нашли нужным нарушить мир. Но никакой другой армии у правительства не было, да и запасы оружия и снаряжения разбросались по всей необъятной молодой Советской республике.

На организацию обороны центра революции — Москвы — надо было время, и это время думалось выиграть тем, что главное сопротивление было намечено в направлении Москвы — примерно на линии Тверь — Ржев — Вязьма — Сухиничи — Горбачево, километрах в 250 от фронта. Задержку же на-

ступающего противника предполагалось возложить на отряды, стоявшие на самом фронте.

На основании этой мысли Западная завеса состояла: 1) из 7 отрядов так называемого Московского района (Тверской, Ржевский, Вяземский, Калужский, Тульский, Рязанский и Московский); имевших задачей дать решительный отпор противнику на путях к Москве; 2) из 6 первоначально, а с 8 апреля из 7 отрядов первой линии (Невельский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский), имевших задачей задерживать противника в том же направлении.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСОЙ

Организация управления завесой была построена так. Во главе завесы Московского района и каждого отряда стоял так называемый военный руководитель, назначенный правительством из специалистов военного дела и единолично ответственный за военное руководство операциями. При военном руководителе состояли два политических (затем названные «военными») комиссара, ответственных перед правительством за выполнение войсками приказов военного руководителя и его политическую лояльность.

Военруком Западной завесы был назначен бывший начальник штаба Западного фронта Егорьев, а комиссарами при нем И. М. Арефьев, впоследствии замененный А. И. Вайманом, и А. М. Пыжев. Военруком Московского района — К. К. Байов, а комиссарами сначала М. Степанов и Термосов, а затем Ю. Саблин и М. Н. Тухачевский. Передовыми отрядами руководили: Невельским (бывшим тов. Седякина) — С. С. Каменев (впоследствии главком) и комиссар Ахманов (Гиршфельд); Витебским (бывшим Кафиева, а с 21 марта Тризны) — Н. С. Елизаров; Оршанским, пережившим до завесы целый ряд командований и по назначению, и по выборам, и в виде совета или коллегии, — Жданов и комиссары Богданов и А. Горшков, замененный Бурле; Рославльским (бывшим Угрюмова) — Ерофеев, вследствие ряда недоразумений арестованный и с дороги бежавший, комиссары Угрюмов и последовательно Лапса, Богданов, Каменский и Лебедев; Брянским, возглавлявшимся Берзиным и Афанасием Ремневым, — П. П. Сытин, впоследствии командующий Южным фронтом, и комиссары Анисимов и Виноградов; Курским — Слувис, Глаголев и комиссары Бурле, Быч (честно погибший при приведении в порядок одного полка) и Вишневецкий.

Что касается Смоленского отряда, то он играл роль объединяющего действия Витебского, Оршанского и Рославльского отрядов по защите Смоленского узла. Военруком его был

А. А. Свечин, ныне профессор Военной академии РККА, а комиссарами Алибегов и Селезнев. После назначения Свечина начальником Всероссийского главного штаба его заменил С. С. Каменев, которого после назначения его командующим Восточным фронтом сменил помощник его А. Н. Де-Лазари.

Назначение на высшие командные должности, хотя бы под скромным названием военруков, только что выведенных из обихода генералов и полковников старой армии, было понято на местах не сразу. Войска, а еще больше их выборные начальники, были явно недовольны, местные гражданские власти, имевшие свои военные отделы и свои отряды, кое-где будировали и задирались до того, что квартирьеры штаба завесы вернулись из Калуги с предупреждением, что лучше совсем туда не показываться, и военруку пришлось лично улаживать этот вопрос с «командующим войсками Калужской республики».

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ФОРМИРОВАНИЯ

Задачи, ставшие перед завесой, были по тому времени нелегки и многообразны. Первой задачей завесы было — придать фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию. Состав же отрядов был самый разнообразный. Часть их прибыла уже сформированными из Петрограда и Москвы, как, например, Ревельский сводный отряд Кутузова и 3-й батальон Петроградской Красной гвардии Мильонщикова, впоследствии целиком отправленные на Восточный фронт; часть представляла собой каким-то чудом сохранившиеся остатки старой армии, переименованные в соответствующие части различных отрядов Западной завесы. Но главная масса состояла из местных формирований, гражданских беженцев, не подлежащих демобилизации солдат старой армии призыва 1916 и 1917 гг. и т. п. Все эти отряды носили самые разнообразные названия, иногда очень оригинальные, как например, «Особая армия Ремнева», переименованная впоследствии в Особый отряд, «полк имени Ленина», отправленный впоследствии в Баку, «Курский партизан-учащихся полк» и т. д. Внутренняя организация и численность были также весьма разнообразны, начиная от 50—60 человек и до 500—600; от одного рода войск и до соединения всех родов вместе (отряд Азарха — одна из лучших частей завесы, впоследствии был развернут в бригаду и отправлен на Восточный фронт). В батареях было по 1—2 орудия, а 3-я Оршанская батарея, переименованная впоследствии во 2-й батальон 1-й Орловской дивизии, была вооружена винтовками, так как не имела ни одного орудия. В таком же положении был и поль-

ский артиллерийский дивизион, переименованный в 4-й батальон Витебской группы.

Количество мелких отрядов было огромно. На одном только Рославльском направлении, обнимавшем фронт около 100 км, было 30 различных частей с общей численностью в 5249 чел., причем одному начальнику подчинялось до 12 разных отрядов. Трудность управления усугублялась еще тем, что, невзирая на то, что, как правило, начальники были выборные, их не всегда слушались, и тем, что среди них, да и в их штабах, почти не было военных специалистов. Крайне показательно в этом отношении постановление Оршанских отрядов, упразднивших должность командующего и передавших всю власть особому совету. Но так как в составе совета не оказалось ни одного военного специалиста, то должности начальника штаба и начоперода никем не заместили, «ибо не могли найти человека, который мог бы руководить операциями». Приказы подписывал «секретарь», а «утверждал» военный комиссар оперативного отдела, которым долго был И. М. Гайлис, много поработавший для укрепления Западной завесы. В Витебске оказалось сразу три командующих, назначенных тремя разными главкозапами, шла разноголосица и даже взаимные угрозы арестом.

Нравственный элемент, т. е. боевые и гражданские качества отрядов, был весьма разнообразен. Особенно разложены были отряды Ремнева, расстрелянного вскоре за бандитизм и неповиновение центральной власти. Ряд героев-командиров, как Беретти, Врублевский, Румянцев, Степанов, Пшерадский, погибли, борясь за революционную дисциплину в этих отрядах, другие, как Гетманцев, были счастливее и сумели обратить свои части в боеспособные.

Работа по реорганизации началась с того, что существующие отряды укреплялись путем сведения в роты и батальоны с соответствующим добавлением других родов войск, а 20 июня было приказано создать в завесе 13 дивизий, каждую в составе 2 бригад по 2 полка, 1—4 эскадронов конного полка, артиллерийской бригады, мортирного артиллерийского дивизиона, инженерного батальона и соответствующих тыловых учреждений*. Так как оперативное положение Рославльского отряда,

* Дивизии: 1-я Витебская с центром формирования в Невеле, 1-я Смоленская — в Витебске, 1-я Могилевская — в Орше, 1-я Орловская — в Рославле, 2-я Смоленская — в Смоленске, 2-я Орловская — в Брянске, 1-я Курская — в Курске, 3-я Московская — в Твери, 2-я Тверская — в Ржеве, 2-я Московская — в Вязьме, 1-я Калужская — в Калуге, 1-я Тульская — в Туле и 1-я Рязанская — в Рязани; в самой Москве формировались 2 дивизии — Ефремова и Климова, которые, впрочем, в состав завесы не были включены.

совпадавшее с прямым, как стрела, шоссе Могилев — Москва и удаленное от железных дорог, требовало наличия на этом направлении преимущественно конной части с броневиками, то неоднократно поднимался вопрос о формировании для завесы крупной конной части, но осуществить эту мысль не удалось.

Из специальных войск службу в завесе несли: 12-й истребительный (Невель) и авиационные отряды 1-го и 50-го корпусов (Смоленск), 1-го сибирского корпуса (Курск), 22-го корпуса и 11-й армии (Брянск). Были еще некоторые броневые части.

Комплектование новых дивизий шло путем призыва добровольцев, причем призыв был возложен сначала на военные отделы местных советов, а затем на губернские и уездные военные комиссариаты. На службу принимались по подписке и по круговой поручке. Жалованье бойцу полагалось сначала 50 руб. одинокому и 150 руб. семейному, а с 15 июня оба оклада были увеличены на 100 руб. С 10 июня, кроме подписки и вместо поручительства, стали требовать красноармейскую присягу.

Комплектование шло очень медленно и с большими трудностями. Помехой служили следующие обстоятельства:

1. Сосредоточение вопросов формирования в руках органов, не подчиненных командованию завесой. Военные отделы советов, а затем губернские и уездные военные комиссары имели в это время собственные отряды для борьбы с контрреволюцией и местных нужд, а потому давали людей скупой и часто без достаточной проверки их нравственных качеств. Наряду с очень хорошими пополнениями* в завесу прибывали и очень слабые в отношении дисциплины элементы, которые частично приходилось отправлять даже назад. Особенно тяжелое впечатление произвело на фронт прибытие во 2-ю Орловскую дивизию московского отряда Цибульки, называвшегося «ангелами смерти», разбежавшегося уже в пути, производшего ряд дебошей при получении оперативной задачи и, в конце концов, к общему удовольствию, уехавшего назад.

2. Местный патриотизм, проявлявшийся преимущественно крестьянскими партизанскими отрядами, не желавшими уходить с особенно важных для них направлений.

Особенно остро этот вопрос стоял в 1-й Орловской дивизии, где местное население, ввиду постоянных нападений поляков и текинцев и вполне основательных опасений, что и восточная часть Могилевской губ. может быть оккупирована польскими помещиками, дралось в буквальном смысле за свои поля и

* Например, 21-й Замоскворецкий революционный полк.

жилища. Командование завесой изворачивалось всеми способами *, начиная от убеждения Советов и кончая расформированием особенно неповинующихся частей, но успех достигался медленно и с трениями **.

Укомплектование командирским составом шло двумя путями: через Советы и военкоматы в общем порядке и личными приглашениями военруков. В общем порядке бывшие офицеры записывались в особых аттестационных комиссиях, затем фамилии их печатались в местных органах, и гражданам предоставлялось право заявить отвод, при отсутствии коего происходило назначение на должность. Рязанский исполком проявил инициативу: постановил принимать на должности взводных командиров только бывших унтер-офицеров, а не офицеров, что должно было побудить последних к занятию более соответствующих их квалификации должностей. А то случались такие курьезы, как занятие должности взводного командира артиллерийского парка бывшим генерал-майором, командиром артиллерийской бригады (во 2-й Московской дивизии).

Но добровольцев из действительных спецов было мало. Главная масса бывших офицеров поступала очень нерешительно и стремилась преимущественно в штабы. Во многих штабах случалось, что бывшие командиры полков занимали места писарей и курьеров, командиры рот — конных ординарцев и помощников журналистов, а врачи — фельдшеров, хотя в передовых частях был хронический недостаток врачей.

В оправдание некоторых из них, желавших честно работать, надо сказать, что ведь это была эпоха наибольшего недоверия к старому офицерству. Например, даже меня, как военного руководителя Западной завесы, имевшего большой

* Даже личный конвой военного руководителя Западной завесы, состоявший из его бывших сослуживцев по 12-му Астраханскому полку, был целиком отправлен на фронт и послужил кадром для развертывания 6-го полка 2-й Орловской дивизии.

** Примеры: письмо военного руководителя Западной завесы к командиру войсками Калужской губ. 14 апр. № 484: «...В основание своей обороноспособности» завеса «в данный момент ставит... глубокое содействие местных организаций...»; его телеграмма начальникам революционных отрядов 1 апреля № 138: «Спасение республики прежде всего зависит от единства управления, сознательного подчинения. Всякие пререкания, торгования, взаимные жалобы — общая гибель» и его предписание начдивам 7 апреля № 1870/145: «...Правительство находит нужным иметь настоящую армию, а военные специалисты знают, что качество в 3 раза ценнее количества». Особенно приходилось возиться в этом отношении с частями Курской дивизии, где дошло до убийства военкома (Быч) и ранения комбрига (Слувис), — потребовалось содействие даже члена коллегии наркомвоенмора Подвойского. Правда, дезорганизация 3-го полка в Льгове была подготовлена анархистами.

правительственный мандат, крыли и исполком Калужской губернии, и облискомзап, и многие другие.

Войсковая масса по многим причинам также не везде отнеслась сочувственно к замене выборного начала присылкой командиров из центра. На фронте было несколько случаев ареста командиров и комиссаров без всяких оснований, и их приходилось выручать вооруженным способом*.

При этих условиях делается понятным, что к концу существования Западной завесы даже высшие должности оставались вакантными, и, например, к 11 августа четыре дивизии были без штатных начальников, не было комбригов и 65% работников генерального штаба. Значительно лучше пошло дело после назначения в полки военных комиссаров.

Но, с другой стороны, были части, которые уже осознали, что без знающего комсостава они могут быть только пушечным мясом. В этом отношении показателен прием войсками 1-й бригады 2-й Орловской дивизии нового комбрига Дьякова (ныне помощника начальника учебного отдела КУВКС)**, которого приняли весьма тепло.

СНАБЖЕНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Первоначально предполагалось, что штабы отрядов будут только оперативными органами. Все вопросы снабжения должны были лежать на местных советских и военных учреждениях. С переформированием отрядов в дивизии им придавали известный тыл, но снабжение по-прежнему шло через округа.

При условии, что во всех предметах имущества был страшный недостаток, лошадей в стране было очень мало, продовольственные запасы были централизованы, формирование и жизнь завесы встречали крайние трудности. Имущество находилось в распоряжении округов и отдельных центральных ведомств, которые в первую голову использовали его частью для местных нужд, с июня — и для формирования отрядов, отправляемых на Восточный и Южный фронты, а в завесу давали его с большими трениями и весьма неохотно.

Тяжелее же всего, понятно, стоял вопрос с продовольствием. Местные советы совсем не справлялись с ним. Даже штаб завесы, расположенный в Калуге, голодал***, в отря-

* Между прочим, чуть-чуть не сожгли коменданта штаба Богданова (впоследствии начальника броневых сил РККА).

** Курсы усовершенствования высшего командного состава.

*** Приказ завесе № 85 от 8 июня: «...Принимая во внимание, что сотрудники штаба совершенно не получают хлеба по неимению его в запа-сах штаба и города...»

дах же и дивизиях дело доходило до таких явлений, которые грозили срывом и без того с трудом наладившейся дисциплины. Штабы дивизий занялись меновой торговлей*, штаб завесы разрешил покупку продовольствия и фуража «по вольным ценам при содействии местных властей» и, наконец, — да простят ему все, перед кем он виноват, военный руководитель Западной завесы лично поехал на... «мешочничество». Не обманывая себя в том, что он делает, он купил в Воронеже 38 вагонов муки, пробирался окольными путями в Калугу, но, увы, привел только 3 вагона... Прочее пришлось сдать Москве...

В этом вопросе облегчением было постановление крестьянских обществ Курской губ. о поставке продовольствия ближайшим войсковым частям по твердым ценам.

Особенно плохо обстояло дело в кавалерии. Там, помимо материальной части, требовались лошади. Цена на них стояла очень высокая, но и по этой цене покупать приходилось с трудом, так как население, только что перешедшее к мирному строительству, само сильно в них нуждалось. Произведенные в июле инспекторские смотры кавалерии дали весьма неважные результаты. Так, в конном полку Курской дивизии на 244 строевые лошади было всего 126 седел с веревочными оголовьями, а лошадей от бескормицы пасли по межам крестьянских полей; в конном полку 1-й Орловской дивизии на 680 бойцов было всего 216 лошадей и 66 шашек.

ПОДНЯТИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ

Отряды первичной формации, т. е. те, которые оказались в завесе после первого же движения германцев с Минского фронта, отличались высокой революционностью и дрались с большой стойкостью. Партизанские командиры местами старались поднять и дисциплину. За убийство по мотивам грабежа назначалась смертная казнь, в приказах начальника Оршанских отрядов Гайлиса еще в апреле требуется «гражданская вежливость, ибо отсутствие ее ложится пятном на Красную Армию», и предлагается «всем товарищам», не повинующимся товарищеской дисциплине, «покинуть ряды революционных войск».

Отряды последующих формирований в общем были значительно слабее. Особенно хромало чисто военное обучение. Пришлось вести двойную работу: одну — по линии культур-

* Приказ завесе № 230 от 31 августа: «...В одной из дивизий променяли соль на скот...»

но-просветительной, другую — по линии строевой, до боевой стрельбы в мишени включительно.

Для поднятия квалификации младшего состава были учреждены повторительные курсы. Для поддержания дисциплины 10 июня введена присяга, затем учреждены суды: ротные — из трех красноармейцев и полковые — из трех командиров («инструкторов», как тогда говорилось) и трех красноармейцев. Все эти суды возникли в порядке частной инициативы и долго не были санкционированы центральной властью, но дело свое они сделали, так как идея их удовлетворяла революционное правосознание самих войсковых масс.

Один вопрос военного обучения стоял особенно остро — это боязнь обхода флангов. Отряды, кроме Рославльского, где железной дороги не было, естественно, тянулись к своим магистралям. При малейшей попытке противника к обходу, а таких случаев, особенно в Брянском и Курском районах, было много, отряды садились в «свои» вагоны и откатывались на следующую станцию. А между тем, эта тактика, конечно, была совершенно неудовлетворительной, да и центр требовал освобождения составов, нужных ему для внутреннего фронта и стеснявших нормальное движение и в районе самой завесы.

Приказы помогали мало. Приходилось прибегать к фокусам: под предлогом смены и т. п. части уводились в сторону от станции, а в это время вагоны убирались. Не обходилось без трений, но другого способа не было.

СЛУЖБА НА ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

С 8 марта началось постепенное оформление Брестского мира в виде установления демаркационной линии. Первоначально она проводилась по частным соглашениям местных командований, иногда даже без карт (Кафиевым — на Невельском направлении). Станция Орша была разделена пополам, а питание паровозов водой сохранено общее. Часовые здесь в конце концов так привыкли друг к другу, что от скуки поочередно катались на одном и том же велосипеде.

Границы Украины и РСФСР не были к этому времени определены, и немцы долго и с большими спорами продвигались, куда хотели, со стороны Гомеля, Конотопа и Харькова. Только к середине мая удалось установить более или менее точные границы.

На большей части демаркационной линии во все время жизни завесы происходили непрерывные пограничные столк-

новения с кровавыми исходами и с бесконечными жалобами с обеих сторон. Причин к этому было много.

Со стороны завесы, прежде всего, в этом вопросе было не столько военного элемента, сколько местного, экономического. Беженцы из ближайших местностей и крестьяне на границе демаркационной линии не могли, понятно, смотреть равнодушно ни на немецкое хозяйничание рядом, ни на польские жестокости по отношению к их оставшимся по ту сторону родичам. Они на свой риск и страх формировали отрядики, уничтожали пограничные знаки и подстреливали врагов.

На правом фланге завесы, где даже в войсках было много левых эсеров*, велась, особенно сейчас же после убийства графа Мирбаха, соответственная пропаганда, находившая почву в обильных слухах (и фактах), говоривших об особой жестокости немцев**. На левом фланге, в Курском районе, работали анархисты и украинские шовинисты, находившие себе поддержку в украинских беженцах и повстанцах, особенно многочисленных здесь. Наконец, германцы не упускали из виду и чисто военных мотивов и, где могли, с предложениями и без них препятствовали нам в улучшении нашего оборонительного положения***.

Между тем общие условия требовали пунктуальнейшего соблюдения нами неприкосновенности нейтральной полосы, и вопрос этот наладился более или менее лишь с учреждением 31 августа на демаркационной линии особых пограничных смешанных комиссий на станциях Унеча, Зерново, Колонтаевка, Лохинская и Беленихино. Для восстановления истины необходимо все-таки сказать, что, несмотря на совершенно различные условия для той и другой стороны в пограничном вопросе, количество взаимных жалоб было почти одинаково.

Так, к 14 июня зарегистрировано 13 русских протестов и 11 германских, причем два из них говорили о каких-то уведенных коровах какого-то помещика Василевского...

Не обходилось и без курьезов. Однажды украинские повстанцы уволокли в Судже у немцев целую 6-орудийную батарею. Возвратить ее во что бы то ни стало было необходимо, но революционные войска этого участка относились

* Например, в бывшей Витебской группе.

** Например, в начале июля немцы сожгли две деревни за невзнос 250 тыс. руб. контрибуции и нахождение в ней будто бы 6 красноармейцев.

*** Когда мы начали снимать неуживую нам, но могущую иметь большое значение для немцев в случае их дальнейшего продвижения к Москве железную дорогу от Орши на Горки, они выдвинули к железнодорожному мосту 6 броневиков. Пришлось мост взорвать.

к возвращению весьма неодобрительно. Пришлось затащить пушки и передки в товарные вагоны и, не останавливаясь на головной станции, пропустить поезд под выстрелами своих солдат до середины нейтральной полосы. Лошади же исчезли бесследно.

Другим вопросом демаркационной линии была таможенная служба. Войска на границе несли не только военную охрану, но и контрольную службу по пропуску мирных проезжающих, особенно в Орше, где железнодорожное движение не прекращалось. Приходилось заниматься конфискацией недозволенных к вывозу предметов и т. д. Кое-где появились «самозванные посты, неизвестно, к каким частям принадлежащие, кем выставленные и появившиеся самым неожиданным образом». Для упорядочения этого вопроса штаб завесы предложил установить фискальную охрану границы особыми частями, не из войск фронта, что, однако, было сделано только к 12 августа.

ОПЕРАТИВНАЯ СЛУЖБА

Указанные условия организации, формирования, снабжения и быта войск завесы достаточно ярки, чтобы оправдать основную идею ее оперативного руководства. Оно шло по двум направлениям. С одной стороны, войска завесы обязывались к организованному ведению обороны для выигрыша времени на своих направлениях, а с другой — район обороны должен был быть подготовлен к малой войне на сообщениях неприятеля.

Первая задача достигалась следующими способами:

- 1) На основных направлениях для отхода должен был быть заготовлен ряд узлов сопротивления;
- 2) Бóльшая часть сил должна быть в маневренных резервах, достаточно удаленных от первых линий и назначаемых преимущественно для действий на фланги неприятеля и противодействия его обходам;
- 3) Не требовалось никакого общего, непосильного в данных условиях, фронта;
- 4) Пути отхода, особенно железнодорожные, подлежали разрушению.

К оборудованию узлов сопротивления приступили горячо. Но сейчас же дело натолкнулось на два препятствия. Во-первых, не было достаточных кредитов, а еще в большей степени не хватало рабочих рук. А во-вторых, крестьяне во

многих местах относились весьма несочувственно к обращению полей в окопы, как бы примитивны они ни были.

На подготовку путей к разрушению было обращено также очень большое внимание, но и в этом вопросе практически многого достичь не удалось. При том порядке несения караульной службы, с которым никак не могли справиться, заблаговременная подготовка сооружений к взрыву могла быть использована предприимчивым противником в свою пользу.

По крайней мере известно, что мост у Унечи взорвался «от грозы», и его пришлось чинить.

Подготовка ко второй, не менее важной и целесообразной задаче, опиравшейся на исторический опыт как раз в этой местности и при аналогичных условиях (поход Наполеона в 1812 г.), началась еще до завесы в порядке службы Западного фронта под личным руководством бывшего начальника штаба и его главного помощника в этом вопросе матроса Перепелицына.

Организация партизанских отрядов пошла довольно успешно (особенно в Невельском отряде); был выработан план их действий; составлена инструкция для этих действий; но по существу эта организация подрывала дело завесы, так как последняя комплектовалась из тех же самых источников и нуждалась в тех же самых предметах вооружения и снаряжения.

Поэтому в половине мая от организации партизанских отрядов пришлось отказаться окончательно.

Что касается организации крестьянского восстания, также имевшего под собой историческую почву, то и здесь началась кое-какая работа, документом коей осталась «Памятка крестьянина, рабочего и солдата, оставшихся в местности, занятой неприятелем», составленная в штабе завесы. Работу эту пришлось прекратить по указаниям центра, в связи с тем, что к 26 июля «острый кризис на Западном фронте миновал, а на Восточном приобретал первенствующее значение».

ОТПРАВКА ЧАСТЕЙ НА ВОСТОЧНЫЙ И ДРУГИЕ ФРОНТЫ

Оперативное положение завесы, конечно, никогда нельзя было назвать устойчивым. Возможность перехода германцев в наступление никогда не исключалась. Но со второй половины мая положение на фронте, если не считать пограничных инцидентов, было «без перемен». Силы немцев также

были немногочисленны*. Между тем армии Восточного фронта нуждались в усилении. И Западной завесе пришлось принять очень большое участие в этом усилении.

Началось оно первоначально совершенно неорганизованным путем. С чехословацкого фронта присылали по телеграфу призывы ехать на Урал; приезжали на свой риск и страх отдельные агитаторы, к этому же призывал правительственный комиссар по формированиям Кудинский. Все просили людей, оружия, имущества.

А завеса еще сама только становилась на ноги... Но по миновании острого кризиса, т. е. когда окончательно выяснилось, что германцы отказались от мысли всякого вмешательства в русскую революцию**, Западной завесе пришлось приступить уже к организованной посылке подкреплений на другие фронты.

Правда, эта посылка первоначально шла путем выдергивания с фронта завесы отдельных частей, причем наряды так запутались и по наименованиям частей, и по предназначениям, что к 23 июля штаб завесы чуть было не потерял всякий учет их. Но затем посылка пошла уже планомерно. Не считая отдельных отрядов произвольной организации, одновременно из завесы было отправлено на другие фронты — на Восточный, в Вологду, в Баку, на Урал и даже в Туркестан — не менее 13 полков, 3 батальонов, 2 конных полков и 5 батарей.

Вместо отправляемых частей сейчас же формировались кадры новых. 11 августа было приказано снять с завесы «все боеспособное» и оставить лишь кордон для несения пограничной службы. В сентябре германцы начали отход на линию Барановичских позиций, и завеса, фактически, перестала существовать. В ноябре она была окончательно расформирована, и остатки ее частично отправлены на Восточный фронт (1-я Смоленская, 1-я Могилевская и 1-я Орловская дивизии), частично переданы в подчинение Московскому и Орловскому военным округам (2-я Тверская, 2-я Московская, 1-я Калужская, 2-я Орловская и 1-я Курская дивизии), а 1-я Витебская и 2-я Смоленская сведены и переименованы в 17-ю стрелко-

* К 13 июня противник имел на фронте и в ближайших резервах на полоцком, витебском, оршанском, рославльском и брянском направлениях, где у нас было по одной дивизии, также по одной ландверной дивизии и лишь против Курска, где мы имели одну дивизию, — четыре дивизии и в промежутке между курским и брянским направлениями, где у нас были только мелкие части, — 3-ю кавдивизию. Могилевский фронт занимали одно время поляки корпуса Довбор-Мусницкого.

** Были сведения о том, что они требовали пропуска в Петроград двухтысячного отряда, а в Москву — батальона.

вую дивизию и приняли первое участие в последующих военных действиях на вновь образованном Западном фронте, именовавшемся Западным районом обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Свою армию Советская Россия строила заново...» Так гласил приказ РВСР от 5 февраля 1923 г., в пятилетний юбилей Красной Армии. Много трудностей было на пути этого строительства, много было их и на частном пути организации и жизни Западного участка отрядов завесы*, со включением Московского района. Родившись из многочисленных разнообразных по форме, составу и назначению революционных отрядов, мало, а местами и совсем необъединенных общим командованием, завеса пережила все муки планомерного регуляторства, хватила голода и материальных недостатков, защищала, как могла и умела, каждый метр социалистического отечества, справилась с пропагандой левых эсеров и анархистов и ушла со страниц истории лишь отправленная на другие революционные фронты.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. I. М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 231—245

* Официальное название Западной завесы.